

Л.М.Харитоновна, С.Матвиенко

*Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова
(г. Караганда, Казахстан)
(novoedelo@yandex.ru)*

Мир русской литературы в фильме Йоса Стеллинга «Девушка и смерть»

В статье ставится вопрос рецепции русской классической литературы в европейском кинематографе. Материалом анализа явился фильм Й.Стеллинга «Девушка и смерть», в котором авторы обнаруживают мотивы произведений А.С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, А. П. Чехова.

L. M. Kharitonova
S. Matvienko

Ye. A. Buketov Karaganda State University

The world of russiuan literature in film Jos Stelling «The girl and the death»

The article raises the question of the reception of classical Russian literature in the European cinema. The material of analysis was the film Th.Stelling "the Girl and death", in which the authors reveal the motives of works of A. S. Pushkin, F. M. Dostoevsky, I. S. Turgenev, A. P. Chekhov.

Проблемы рецепции русской культуры в сознании западного читателя и зрителя давно стали предметом исследования культурологов, филологов, семиологов, лингвистов. Диапазон интерпретаций механизмов «вписывания» литературных произведений и явлений одной культуры в контекст другой в современной науке необычайно широк: от традиционных «влияний» до постмодернистского «цитатного сознания». Концепция диалогизма, разработанная М.М.Бахтиным, демонстрирует мировую культуру как «бесконечный и незавершимый диалог, в котором ни один смысл не умирает» [1]. Рецепция русской литературной традиции занимает особое место в культурном пространстве, позволяет определить особенности социокультурных, психологических и эстетических аспектов восприятия русской литературы и культуры, выявить механизмы формирования образа русской культуры в культурной традиции Запада. Код восприятия «русского мира» колеблется между формальными и идейными исканиями, между критикой идеологичности и поиском духовного единения [Фрешли М., 2].

Рецепция тесно связана с рефлексией, с позицией ответа, с природой творческого акта, ее можно рассматривать как перевод с одного языка культуры, либо вида искусства на другой.

О взаимовлиянии литературы и кино написано немало исследований. Среди них классические работы Ю.Н. Тынянова, С. Эйзенштейна, Р. Барта, Ю.М. Лотмана, М. Бахтина, а также работы современных ученых С.М. Арутюнян, М. Фрешли и др. [3]. С самого начала кинематографической эры и по сей день

интерес к русской классике у зарубежных режиссеров и сценаристов не угасает. Богатство интеллектуального содержания, установка на художественное и философско-психологическое осмысление бытия, глубина чувств, стремление к всеохватности, притягательная загадочность персонажей – все это вдохновляет на сотворчество, рождая желание не только прикоснуться к классике, но и по-новому ее «прочитать» посредством богатых возможностей киноязыка.

Национальный русский колорит, имеющий свое выражение в культуре, быте, природе, а главное – в том самом феномене «загадочной русской души», всегда был притягателен для европейских интеллектуалов. Голландский режиссер Йос Стеллинг, культовый мастер авторского кино, снял два «русских фильма» - «Душка» (2007) «Девушка и смерть» (2012). Каждый из этих фильмов имеет равное количество поклонников и противников. Краеугольным краем дискуссий всякий раз является именно «русский вопрос». Поклонники режиссера благодарят его за тонкую работу, интересные творческие решения «русской темы», противники же высказываются довольно ревностно, обвиняя Стеллинга в посягательстве на святая святых – русскую классику. Среди критических отзывов можно встретить не просто ироничные замечания, а жестокий сарказм: *«В прокате «Девушка и смерть» Йоса Стеллинга – мучительная элегия о бренности бытия по мотивам русской классической литературы. Хотя своими творческими устремлениями Стеллинг и воссоздает лестную иллюзию востребованности русской природы, русских актеров и монументального литературного багажа, спасающих потерянную душу европейских интеллектуалов от всепроникающего тлена бытия»* [4]. Поверхностный смысл, игра штампами – вот что видят многие критики в «русских фильмах» Стеллинга. Другая часть критиков высоко ценят талант Стеллинга, а фильм «Девушка и смерть» считают великолепным живописным полотном с тонким лирическим рисунком: *«Сотканный из тонких и, вероятно, очень личных намеков, фильм “Девушка и смерть” является вполне самостоятельным художественным высказыванием, размышлением чуткого европейца о загадочной русской душе»* [5].

Для нас наибольший интерес представляет последний фильм в «русском цикле» режиссера – «Девушка и смерть», который сам режиссер назвал «поклоном русской литературе». В нем Стеллинг, как режиссер и соавтор сценария избилует апелляциями к миру русской классики. «Когда я говорю о XVII веке, то представляю себе Голландию и Рембрандта. Но когда я говорю о XIX веке, я вспоминаю о Чехове, Пушкине, о России. И мне кажется, если делать мелодраматические истории, то в антураже XIX века. Это было самое романтическое время» - говорит Стеллинг в одном из интервью.

Рецепция русской культуры Й. Стеллинга носит избирательный характер. Наша задача выявить литературный контекст фильма, явные и неявные отсылки к миру русской классики, соотнести их с художественной идеей фильма. Культурные и литературные ассоциации свободно переплетаются в фильме, основу которого составляет мелодраматический сюжет об обреченной любви и неизбежности прощания.

Действие фильма происходит в двух временных рамках: Германия конца XIX века и послевоенная Россия. Основное место, где разворачиваются события,

- немецкий пансион – дом свиданий. Главный герой, немолодой русский врач Николай, совершает путешествие в Германию, он возвращается в страну, которой нет на географической карте, - в страну своей молодости. Он вспоминает любовь, которая, была главным событием его жизни, и которую он не смог сберечь.

Российской публике фильм предстал без субтитров (они были сделаны гораздо позже) премьеры. На русском герои говорят приблизительно четверть фильма, остальную часть на немецком и французском. Диалоги на трех языках имеют функциональное назначение: немецкий – язык прагматики, на нем говорят в фильме только о делах; французский- язык любви, на нем разговаривают влюбленные; русский - язык меланхолии, воспоминания, утраты, ностальгии, на русском говорят Нина и Николай, вспоминая родную Россию. Языковой барьер российского зрителя не смущал режиссера. Накануне премьеры он посоветовал зрителям «отключить разум»: «Этот фильм надо смотреть сердцем» [6]. Отсутствие общего языка коммуникации – смелый режиссерский прием, мотивирующий зрителя на сотворчество, на соучастие в сюжете фильма и предполагающий активную зрительскую рецепцию. Этот минус-прием как нельзя лучше способствует созданию атмосферы непонимания, искусственности, невозможности коммуникации. К примеру, Николай не может объясниться с управляющим отеля, причина этому не только плохое владение языком, но и разность ценностных установок европейского и русского мира. Это особенно заметно, когда Николай, после первой встречи с Элизой восторженно читает строки пушкинского стихотворения «Я помню чудное мгновенье...», Нина увлеченно переводит его на немецкий, а портье остается при этом подчеркнуто равнодушным, надменным и холодным. Николай противопоставлен всему кругу немецких вельмож под предводительством графа – им нет необходимости объясняться, понимание не будет достигнуто. Поневоле вспоминается тютчевское «Silentium»: Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? / Поймет ли он, чем ты живешь? / Мысль изреченная есть ложь. Коммуникация возможна только между двумя любящими сердцами. И тогда их общим языком становится язык музыки, язык поэзии, язык жестов. Влюбленные говорят мало, в их словах нет страстных признаний. Но средства художественной выразительности и изобразительности настолько мощны, что заменяют необходимость в обычном языке. Общий язык нарратива режиссер заменяет языком знаков. В качестве знаков выступают декорации, детали интерьера, музыка, костюмы, само поведение героев, репрезентирующее национальные ментальные черты.

Главным знаком в фильме становится стихотворение Пушкина «Я помню чудное мгновение...». И это первый, главный и единственный знак русской литературы в фильме, выраженный *непосредственно*. Все остальные – скорее носят ассоциативный характер, имеющие связь с первообразом, но в фильме *претерпевающие значительную трансформацию*. В этом и состоит сложность анализа, поскольку его предметом становится *мир авторских (режиссерских) ассоциаций*, создающих новые смыслы и новые коллизии. Т.е. фильм не является экранизацией, он не снят по мотивам какого-либо произведения. Скорее, это явление постмодернистской культуры с ее цитатным мышлением. Какие смыслы

возникают на пересечении этих цитат, сохраняют ли они свой первоначальный смысл – в этом и необходимо разобраться.

Хрестоматийно известное стихотворение Пушкина «Я помню чудное мгновенье...» иллюстрирует любовную историю Элизы и Николая. Сам режиссер прокомментировал это так: «Я продаю Пушкина на Запад. Я использовал его стихи здесь как символ величайшей поэзии в мире». Печаль Стеллинга по-пушкински светла, а история любви в фильме, несмотря на ее трагизм, очаровывает зрителя красотой, тонкостью, чувственностью.

Стихотворение становится сюжетообразующей основой фильма. Любовная тематика здесь подчинена философско-психологической, и главным оказывается изображение разных состояний внутреннего мира героя. «Я помню чудное мгновенье» - так начинается стихотворение, а заодно и воспоминание о главной встрече в жизни русского врача Николая Бородина. Первые строки стихотворения соотносятся с моментом встречи героев – когда достаточно было несколько мимолетных встреч глазами, чтобы понять «Передо мной явилась ты, как мимолетное виденье, как гений чистой красоты», затем утрата воспоминания - «Шли годы. Бурь порыв мятежный рассеял прежние мечты», обернувшаяся душевным разладом и пустотой: «И я забыл твой голос нежный, твои небесные черты». Через много лет чувства пробуждаются вновь «Душе настало пробужденье». И стихотворение, и сюжет фильма построены на сопоставлении двух планов – жизнь и любовь. Жизнь идет своим чередом «в глуши, во мраке заточенья», но любовь - это «божество» и «вдохновенье», которые торжествуют не только над жизнью, но и над смертью. Прекрасные воспоминания воскрешают любовь: «И для него воскресли вновь...». Некая цикличность, переданная в сменяемости разных состояний (и в стихотворении, и в фильме) придает истории мотив «вечного возвращения». Герой несколько раз возвращается в отель, всякий раз с разными намерениями. Любовь – та сила, которая напоминает о себе, даже если жизнь поглощает своими обстоятельствами. После первого свидания молодой Николай дарит своей возлюбленной томик Пушкина и пишет на последней страничке: «Я никогда не брошу тебя». В финале фильма уже к пожилому врачу возвращается его подарок с надписью: «Я буду вечно тебя ждать». Цикличность, заданная пушкинским стихотворением, поддерживается и хронотопом фильма. Начало фильма – весеннее утро. Природа, омытая дождем, наполняет мир свежестью, воздух прозрачен и чист. Все готово к встрече с первым чувством. Вторая часть - день и позднее лето – насыщается более теплыми тонами, здесь разгорается страсть, которой суждено стать обреченной на смерть. Последняя встреча героев происходит осенним вечером. Холодные цвета лишаются оттенков и совсем тускнеют. В самом финале, на могиле, светит солнце и вновь наступает весна. Пробуждается природа и душа героя.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...

Только в конце фильма «ты» - это, действительно, виденье. Элиза – призрак, которая ждет своего русского жениха, ждет, чтобы упокоиться вместе с ним.

Герой, прибывший в отель через 50 лет по зову своей уже умершей возлюбленной («Я буду вечно тебя ждать») встречается с Элизой – девочкой-призраком, и убаюкивает ее, как когда-то лермонтовской колыбельной песней.

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

Этот еще один русский текст фильма, к тому же прозвучавший дважды на языке оригинала, способствует интимизации повествования, изображая любовь не только как страсть, но и как родство душ, находящихся понимание и вне общего вербального поля.

И только эта встреча постаревшего Николая и его вечно юной возлюбленной через много лет возвращает героя к себе самому. Хотя, вопреки пушкинскому сюжету, герой умирает (один, в гостинице, на той кровати, на которой много лет назад умерла его возлюбленная), его смерть воспринимается по-пушкински светло, даже несмотря на отвратительные признаки смерти – грызуны, насекомые – теперь они, а не люди, обитатели этого некогда роскошного отеля.

Фильм заключен в рамку воспоминания, собственно, как и стихотворение Пушкина, ставшее его главным литературным символом. Воспоминания об Элизе приходят к герою вместе с книгой, которую приносит Нина. Открывая ее, видя знакомый почерк и надпись: «Я буду ждать тебя всегда» Николай предается воспоминаниям, не заметив, как ушла Нина. Любители пушкинской поэзии, наверняка, вспомнят пушкинские строки: «Цветок засохший, безуханный, забытый в книге вижу я, и вот уже мечтою странной душа наполнилась моя...».

Катарсический эффект книгам и фильмам, построенным на модели воспоминаний, почти гарантирован. Ведь у зрителя/читателя появляется возможность видеть происходящее сквозь призму уже знакомого финала. Воспоминание в фильме Стеллинга – это не только композиционная основа, это и ностальгия по ушедшей эпохе, так резко отдалившейся от нас вследствие коренных исторических переломов, революций, войн. Этот мотив-воспоминание характерен для русской прозы начала XX века в лице В.Набокова, И. Бунина. Сюжетно-мотивным комплексом, организующим композиционную рамку фильма, становится посещение могилы и связанное с этим воспоминание. Подобная композиция характерна для многих образцов русской прозы, начиная с сентиментальной повести Н. М. Карамзина. «Бедная Лиза» разворачивается как воспоминание при виде могилы Лизы в Симоновом монастыре², которую

² Имена героинь Карамзина и Стеллинга схожи – Лиза и Элиза. Однако на вопрос журналистов о влиянии Карамзина на выбор имени героини Стеллинг ответил

рассказчику показал когда-то герой этой истории – Эраст, к моменту рассказывания уже сам почивший. Структуру воспоминания легко обнаружить в «Станционном смотрителе» А. С. Пушкина, в котором также реализуется мотив посещения могилы как мотив возвращения к самому себе. В «Легком дыхании» И. Бунина, как и в фильме И. Стеллинга, образ могилы выполняет рамочную функцию и создает композиционное кольцо. Остановимся более подробно на образе могилы Элизы. В начале фильма, когда герой приезжает на могилу Элизы, могильная плита цела и невредима, она серого кладбищенского цвета, ничем не отличающаяся от соседних могил. В финале, уже после «условной» встречи героев и смерти Николая, на могиле Элизы видны глубокие трещины, сквозь которые проступает трава, появляются белые розы. Возможно, этим режиссер пытался задать еще одну рамку фильму – событие самого рассказывания. Т.е. помимо Николая, глазами которого мы видим все произошедшее, есть еще некто, кто повествует, возможно, человек уже нашей эпохи (поскольку могильная плита в конце фильма подверглась существенному воздействию времени). Это создает дополнительный и очень значимый смысл рассказанной истории – любовь Николая и Элизы все еще жива, благодаря живущему о ней воспоминанию, и кто-то в знак этой любви все еще приносит на могилу белые розы. Так роман русского парня и немецкой девушки вырывается за пределы своего времени-пространства и становится еще одной главой в вечной истории любви и смерти.

Обратимся к мотивной структуре фильма и сопоставим ее с миром русской литературы. Основным мотивом фильма является мотив любви и смерти, характерный для многих произведений русской классики. Само название фильма заставляет нас вспомнить стихотворение М. Горького «Девушка и смерть», идея которого в роковом единении любви и смерти:

«Что ж,- сказала Смерть,- пусть будет чудо!
Разрешаю я тебе - живи!
Только я с тобою рядом буду,
Вечно буду около Любви!»

При этом любовь оказывается сильнее страха смерти, чем и побеждает ее. Идея всепобеждающей любви явно звучит и у Стеллинга. Тургеневские «цитаты» о любви и смерти органично вплелись в идейную ткань фильма. Для Тургенева любовь – роковая сила, которая ломает личность. Человек, столкнувшись с сильным чувством, уже не может оставаться прежним, любовь слепа, безжалостна и перемальвает любого. Любовь и смерть – две стихийные силы, действующие иррационально и таинственно [7]. Любовь - злой фатум и почти всегда обречена. Достаточно вспомнить историю Аси и Н.Н., Базарова и Одинцовой, Инсарова и Елены. Некоторые сюжетные элементы словно написаны по мотивам тургеневских повестей. Умирает одна, всеми забытая, как и Элиза, девушка Лукерья из «Живых мощей», которая, стала чахнуть, не дождавшись помолвки с Василием, а Василий, как и Николай – потужил, потужил, да и женился. Смертью героини, красивой, черноглазой певицы Клары Милич, заканчивается ее любовь к Аратову в повести «После смерти». В этой повести

отрицательно. Скорее, «здесь речь идет об имени наиболее популярном в немецком обществе того времени»

есть несколько важных моментов, в контексте анализируемого фильма. Объяснение в любви посредством пушкинского текста и музыки. Клара поет романсы, Элиза аккомпанирует на фортепиано. Взгляды героев пересекаются именно во время исполнения музыкального произведения. Клара посмотрела на Аратова «несколько раз с особенной настойчивостью ... своими темными, пристальными глазами», игру взглядов наблюдаем и у Стеллинга. Герои Тургенева и Стеллинга держат в руках томик Пушкина. Клара читает пушкинские строки «вся жизнь моя была залогом свиданья верного с тобой» Аратову, не заглядывая в книгу, объясняясь посредством поэтического слова в любви. Николай читает Пушкина своей возлюбленной и это единственная вербальная форма признания в любви в фильме Стеллинга. Клара, получившая отказ Аратова, заканчивает жизнь самоубийством, и только потом, после смерти Аратов познает всю глубину чувства. К Аратову приходит призрак Клары, который зовет героя умереть вместе с ней, чтобы познать любовь. Схожий эпизод мы видим и в финале фильма – появление призрака Элизы – воплощение желания героя быть и умереть вместе. Таким образом, идея власти любви трансформируется в некий символ красоты любви и страдания. Именно это мы видим и у Стеллинга.

Как только сильное чувство просыпается в Элизе, до этого не знавшей любви, она становится жертвой тяжелой, неизлечимой болезни. На протяжении фильма мы видим угасание ее жизни. После каждой встречи с Николаем туберкулез героини обостряется, и остановить стремительное приближение смерти уже невозможно.

Николай Бородин в начале фильма отдаленно напоминает князя Мышкина, чуждого окружающей культуре, но очень чуткого, увлеченного, сердобольного. Далее, «в тревогах шумной суеты», герой становится жестче, способный на резкие поступки. В сцене с картами происходит метаморфоза: Мышкин становится Рогожиным, смеющимся в лицо этим людям в масках, бросающий вызов своему главному противнику – графу, «хозяину» Элизы. Сцена с картами апеллирует к «Игроку» Достоевского. Карточная игра в романе, по мнению Ю. М. Лотмана, «звучит настойчивой антитезой буржуазного накопительства Европы и русского стремления переменить судьбу «в один час» [8]. Для русского человека, в отличие от европейца, игра в карты не преследует цель обогатиться материально. Азарт русского человека иной природы. Игра - попытка бросить вызов судьбе, испытать ее, изменить жизнь в одночасье. Стеллингу удалось передать истинный дух русского игрока. Николай бросает все на ветер, в том числе Элизу, и навсегда покидает Германию, доказавший свое превосходство над миром мумий в карнавалльных костюмах. В конце фильма Николай предстает «обыкновенным человеком» Чехова, врачом, имеющим в образе Сергея Маковецкого портретное сходство с писателем.

В прекрасной Элизе знаток русской классики увидит синтез героинь Достоевского, Тургенева, Чехова, Куприна. С роковой красавицей Настасьей Филипповной Элизу роднит ее происхождение. Они обе рано осиротели и оказались на содержании богатых мужчин. Их роль определена с детства – быть красивой куклой в чужих руках. Падшие женщины, которые не властны над своей судьбой. Их можно продать, купить или поставить на кон в карточной игре. Если Настасья Филипповна под влиянием страстей и противоречивости своей

души постоянно находится в поиске верного решения, то героиня Стеллинга довольно пассивна и эмоционально холодна. Она уже давно сделала выбор, приняла решение, смирилась с судьбой содержанки. Элиза и Нина - падшие женщины немецкого пансиона. Их жизнь схожа с жизнью куртизанок, описанных Куприным в «Яме». Его героини похожи на маленьких глупых детей, интересующихся только безделушками и красивыми вещицами. Кукольная комната Элизы изображается в нескольких сценах. Героиня выглядит довольно счастливой среди множества коробочек с нарядами и дорогими украшениями, до тех пор, пока в ее сердце не поселится любовь.

Куртизанка Нина – русская женщина, когда-то мечтавшая о Париже, а теперь тоскующая по родной России. Она значительно отличается от немецких куртизанок, приближенных к графу. Ее русская душа со страстным желанием помогать, спасать, оберегать заставляет забыть о ее физической нечистоте, что является традиционным мотивом для «падших» женщин Достоевского. В любви Николая и Элизы она становится «ангелом хранителем», оберегая их от самодура графа. Она знакомит Николая с его возлюбленной в начале фильма и в конце ленты появляется снова, с томиком Пушкина в руках она воскрешает его воспоминания и теперь главной его целью становится – встреча с прошлым.

При всем богатстве киноязыка и образов в фильме Стеллинга его главных персонажей нельзя назвать глубокими личностями, с высокими духовными запросами – словом, такими, каких любит русская классика. Это обычные люди, столкнувшиеся с трепетным чувством в жестких жизненных обстоятельствах. Параллели с героями Достоевского или Тургенева напрашиваются (об этом говорит сам Стеллинг и критики), но это всего лишь параллели, а не попытка воплощения хотя бы какой-то их значимой черты, свидетельствующей о глубине натуры и силе характера. Герои Стеллинга лишены мучительной духовной рефлексии, приводящей героев к познанию истины. Изображая жизнь обычных людей в обычных обстоятельствах, Стеллинг следует чеховскому принципу драматургии: «нужно изображать жизнь, какая она есть, и людей таких, какие они есть. ... Люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье, и разбиваются их жизни». Событийность уходит на второй план, но психологизм от этого не редуцируется, а, напротив, - становится более глубоким.

Таким образом, фильм Стеллинга транслирует различные коды русской классической литературы. Персонажная система, сюжетно-композиционная организация, мотивная структура фильма – все, так или иначе, имеет отсылки к известным текстам русских классиков. Это своеобразный тест для зрителя, позволяющий определить, насколько широк круг его литературных ассоциаций. Фильм вряд ли можно назвать «русским по духу», но возможно, это и не было целью режиссера. Мотивы русской литературы (мотивы памяти, рокового слияния двух сердец, любви и смерти) выполняют скорее декоративную функцию и служат чисто эстетическим задачам режиссера, их идейное содержание значительно ослаблено. Последнее не умаляет очевидных достоинств фильма. Обращение к русскому литературному контексту позволило режиссеру вырваться за рамки традиционного сентиментального кино и придать фильму неповторимые лирические интонации.

Литература:

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. - С.361.
2. Fresli Mihály Kulturális hálózatok, Szombathely, 2015.
3. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977.; Эйзенштейн С.М. Кино и литература. – М.: Искусство, 1964.; Барт Р. Третий смысл. М.: Наука, 2009; Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. – Таллин, 1973. Арутюнян С.М. Экранизация литературных произведений как специфический тип взаимодействия искусств: Дисс. ... канд. филос. наук. – М., 2003; Фрешли М. А. Тарковский в аспекте «культурных сетей» // Проблемы межкультурной коммуникации в современном обществе. Астана, 2014;
4. Рыжова П. Реэкспорт русской клюквы // <https://news.mail.ru/society/13056551/>
5. Сабиров В. La vie, et les larmes, et l'amour // <http://gazetasubtitry.ru/item/?id=322>.
6. Девушка и смерть Йоса Стеллинга // <http://www.aif.ru/culture/movie/42921>
7. Сенькина Ю.Н. Тургеневская концепция любви в интерпретации ученых // CyberLeninka.ru>article/n/turgenevskaya...lyubvi-v.
8. Лотман Ю. М. "Пиковая дама" и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки. - СПб.: Искусство-СПБ, 1995. - С. 786.

